

Вакутин Артем Андреевич

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье проводится исследование истории возникновения и развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской империи. Особое внимание автор уделяет исследованию нормативного закрепления и выявлению основных тенденций развития уголовной ответственности за данные преступления в законодательных актах, начиная с проекта Устава о банкротах 1740 г. и заканчивая Уголовным уложением 1903 г.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 50-54. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 343.7

Юридические науки

В статье проводится исследование истории возникновения и развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской империи. Особое внимание автор уделяет исследованию нормативного закрепления и выявлению основных тенденций развития уголовной ответственности за данные преступления в законодательных актах, начиная с проекта Устава о банкротях 1740 г. и заканчивая Уголовным уложением 1903 г.

Ключевые слова и фразы: банкротство; несостоятельность; неправомерные действия при банкротстве; злонамеренное банкротство; неосторожное банкротство.

Артем Андреевич Вакутин

Кафедра уголовного права

Омская академия МВД России

artv@bk.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[©]

Для правильного понимания сущности уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве важно иметь представление о возникновении, законодательном развитии и совершенствовании данного правового института.

Нормы, регулирующие уголовную ответственность за криминальные банкротства, всегда привлекали пристальное внимание законодателя. Уже в Русской Правде существовало более 20 статей, регулировавших как кредитные отношения, так и последствия неисполнения обязательств.

«Аже который купець, где любо шед с чужими кунами истопиться, либо рать возьмет, ли огонь, то не насилити ему, не продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платити зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиется или пробиется, а в безумьи чужь товар испортит, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продать ли, а своя им воля» [10, с. 68], – говорится в ст. 54 Пространной редакции Русской Правды. С одной стороны, данная норма выделяет несостоятельность, произошедшую под действием непреодолимой силы – утраты имущества в результате пожара, наводнения, разграбления, не предусматривающую вины должника и являющуюся обстоятельством, исключающим наказание. С другой стороны, выделяется несостоятельность, возникающая по вине должника в результате пьянства, пари, иных предосудительных действий, связанных с растратой товара. В таком случае кредиторы вправе как потребовать возмещения в рассрочку, так и, по мнению большинства исследователей, продать имущество и самого должника в холопы [Там же, с. 102-103].

Судебник Ивана III 1497 г., а также судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года также устанавливают ответственность за невозможность уплаты лицами торгового сословия долгов вследствие неблагоприятных действий самого заемщика и по общему смыслу совпадают с нормами Русской Правды.

Ряд авторов, исследуя развитие законодательства о преступлениях в сфере несостоятельности, относят возникновение уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве именно к этому периоду [2, с. 12-36; 5, с. 3]. Тем не менее данная точка зрения представляется сомнительной. Русская Правда и дальнейшие нормативные акты, вплоть до Соборного Уложения 1649 г., устанавливают ответственность за банкротство вследствие неблагоприятных действий должника. Однако, исследуя основание такой ответственности – возникновение невозможности погашения долговых обязательств вследствие пьянства, пари, иных предосудительных действий, повлекших растрату имущества, необходимо отметить, что они совершаются до возникновения каких-либо признаков банкротства, а сама несостоятельность является последствием таких действий. Поэтому исследуемые нормы Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного Уложения 1649 года, скорее, стоит относить к историческим корням ответственности за преднамеренное банкротство.

Существует и иное мнение. Так, А. М. Зацепин считает, что анализ истории уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве следует начинать с норм Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. В Уложении, как отмечает А. М. Зацепин, за исключением нормы, устанавливающей уголовную ответственность лиц, «производящих торговлю», за неосторожное банкротство, все остальные входящие в данную группу статьи посвящены уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве и подробно регламентируют данный правовой институт [4, с. 82]. Однако и данная точка зрения небесспорна. Действительно, Уложение 1845 года устанавливает уголовную ответственность как за неправомерные действия при банкротстве, так и за иные уголовно наказуемые деяния, фактически являясь аналогом современного Уголовного кодекса. При этом следует отметить, что в дореволюционной России преступность и наказуемость деяния определялась не только основополагающими уголовно-правовыми актами, одним из которых является Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года, но и отдельными

законодательными актами, регулирующими тот или иной институт общественных отношений, в том числе и несостоятельность. Среди таковых в рамках исследуемого вопроса возможно выделить Уставы о банкротстве XVIII-XIX вв., регулирующие как правила несостоятельности предприятия, так и последствия нарушения таких правил.

Необходимость принятия Устава о банкротстве возникла в первой половине XVIII века в Российской империи в связи с бурным ростом капиталистических отношений, что потребовало совершенствования законодательной регламентации института несостоятельности, находившегося в зачаточном состоянии и практически не изменявшегося со времен Русской Правды.

Рассказывая об отношениях несостоятельности того времени, А. Х. Гольмстен выделяет три основных направления развития законодательства о несостоятельности: иностранное, связанное с применением зарубежных нормативных актов в связи с отсутствием государственной регламентации; национально-самобытное, связанное с развитием закупничества, т.е. передачи должника для отработки кредитору; и канцелярско-кодификационное, наиболее интересное с точки зрения развития правовой регламентации института несостоятельности в целом и ответственности за неправомерные действия при банкротстве в частности [3, с. 8].

Отдельные нормы, регламентирующие отношения несостоятельности, встречаются в Вексельном Уставе 1729 г., в Уставе благочиния 1782 г., в городском Положении 1785 г. и других актах, однако правил, по которым должник может быть признан банкротом, не существовало [13, с. 64]. О необходимости их создания впервые упоминается в Указе Анны Иоанновны от 6 февраля 1735 г. (Указ касался частного дела о несостоятельности): «...какимъ образомъ в таких случаяхъ поступать, Российскихъ особливыхъ уставовъ не имеется: а впредь как с банкротами поступать, о томъ, собравъ из разныхъ государствъ права купеческие, учинить уставъ Коммерц-коллегии и подать для рассмотрения в Сенатъ, а из Сената подать для апробации Ея Императорскому Величеству» [3, с. 23].

К 1740 г. составляется проект первого Устава о банкротстве, который после утверждения Кабинетом Министров получил статус закона, однако в связи со сложными отношениями между Кабинетом и Сенатом опубликован не был. Тем не менее данный Устав включен в Полное собрание законов Российской империи [7, с. 311-320] и, при отсутствии каких-либо иных документов, регламентирующих порядок банкротства, влиял на позицию судов [13, с. 68], что дает право считать его первым нормативным актом дореволюционной России, устанавливающим правила несостоятельности.

Согласно ст. 4, 5, 32 и 33 Устава признаки несостоятельности определяются по отношению к банкроту как «лицо, которое платить не может», «кредиторов довольствовать не может», а состояние должника характеризуется «разорением» [7, с. 311-320], т.е. отсутствием имущества для полного удовлетворения требований кредиторов. Устав, как и более ранние законодательные акты, разделяет несостоятельность на несчастную (безвинную) и злостную (в том числе и неосторожную). Несчастной считается несостоятельность, возникшая вследствие пожара, войны, наводнения, несостоятельности партнера. Имущество в таком случае распределяется между кредиторами, а должник избавляется от наказания. Субъектами действия Устава являются только купцы.

Оснований злостного банкротства три: обманство, продерзость и неосторожность.

Под продерзостью понимается нарушение общих положений Устава, касающихся ведения в процессе деятельности купеческих книг, составления балансов в конце каждого года, необъявление Коммерц-Коллегии о невозможности исполнения обязательств и другие.

К случаям неосторожности Устав относит осуществление торговли без собственного капитала или при его недостатке, попытки взяться за непосильное предприятие; излишний риск в торговле; образование товарищества «с явным обманщиком» с последующим банкротством и другие [3, с. 37-38].

Если основания продерзости и неосторожности относятся, скорее, к современным действиям, характеризующим преднамеренное банкротство, то под «обманством» законодатель впервые закрепляет некоторые признаки неправомерных действий при банкротстве.

Так, в ст. 14 Устава о банкротстве 1740 г. содержится положение: «Когда купецъ, усмотря уже банкротство свое, до объявленія о томъ по дружбе или для другихъ приметокъ, другому какія росписки или поступные письма дать или переводы чинить... банкротовщика почитать злостнымъ банкротомъ» [7, с. 14]. Этой нормой фактически закрепляется ответственность за умышленное и неправомерное увеличение пассива должника в предвидении банкротства («росписки дать») или неправомерную передачу имущества должника другому лицу («переводы чинить»), наказание – смертная казнь через повешение.

Статья 22 Устава предусматривает уголовную ответственность за неправомерные действия со вновь нажитым имуществом во время конкурса в форме утаивания или удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб другим. Должник, совершивший такие действия, злостным банкротом не признается, однако несет наказание в виде ссылки на каторгу.

В дополнение к этому А. Х. Гольмстен выделяет в качестве основания признания злостным банкротом и заключение сделки с отдельными кредиторами втайне от остальных. «Это вывод *a contrario* из того, что такая сделка имеет лишь силу, когда в заключении ее принимали участие все кредиторы» [3, с. 34-35].

Таким образом, фактически Устав о банкротстве 1740 года является первым документом, закрепляющим уголовную ответственность за неправомерные сокрытие, передачу имущества во владение иным лицам, удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб другим кредиторам, совершенные при наличии признаков банкротства, т.е. действия, которые в настоящее время согласно ст. 195 УК РФ понимаются под неправомерными действиями при банкротстве.

Об установлении именно уголовной ответственности свидетельствует карательный характер наказания: должник, совершивший злостное банкротство в форме обманства, подлежал смертной казни, а нарушивший порядок удовлетворения требований кредиторов – каторге.

Устав предполагает и наличие исторических аналогов современных арбитражных управляющих «кураторов», а также конкурсных судов. В отношении кураторов Устав устанавливал лишь дисциплинарную ответственность: за медлительность, чрезмерные расходы при осуществлении конкурсного процесса, пропажу денег должника вследствие небрежного отношения к работе со стороны куратора.

В 1753 и 1763 гг. Сенат рассматривает новые проекты Уставов о банкротях, которые также не были приняты. Их положения во многом совпадают с нормами Устава 1740 г., однако следует отметить, что банкротством признаются лишь неосторожные или умышленные действия лица, безвинная же несостоятельность банкротством не является.

Следующим этапом в развитии рассматриваемого правового института является принятие Устава о банкротях 1800 г. Павлом I. Документ достаточно четко регламентировал как механизм признания банкротом, так и последствия несостоятельности. В качестве признаков банкротства Устав в ст. 1 выделял неспособность выплаты долгов в полном объеме [7, с. 534]. Под термином «банкротство» в Уставе также понималась неосторожная и умышленная несостоятельность, безвинная также банкротством не считалась.

С точки зрения правовой регламентации уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве данный правовой акт устанавливал наказуемыми в случаях торговой несостоятельности следующие деяния:

- 1) утаивание имущества или требований должника на чужое имущество (ст. 138);
- 2) удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб требованиям иных кредиторов (ст. 138);
- 3) выдачу подложных векселей, расписок, поступных писем, иных обязательств, изменение существующих обязательств с целью имущественных выплат в ущерб кредиторам после усмотрения неминуемого банкротства (ст. 104). За перечисленные действия должник признавался злостным банкротом и подлежал «такому наказанию, какому подлежит по законам публичный вор» (ст. 139) [Там же, с. 451-457].

Для дворян и чиновников впервые устанавливалась ответственность за сокрытие имущества во время конкурса (ст. 105 Устава). Таковых признавали злостными должниками и подвергали «как за лживые поступки суждению по законам» [Там же, с. 472].

Таким образом, Устав о банкротях, являвшийся первым официально принятым нормативным актом, регулирующим процедуру несостоятельности, устанавливал ответственность за неправомерные действия при банкротстве в форме уменьшения активов предприятия – сокрытия имущества или своих требований на имущество, а также увеличения пассивов – выдачи подложных векселей, расписок и т.д.

Устав 1800 г. имел широкое применение, однако «в течение времени открылись в сих правилах разные неудобства, в отвращение коих было принято решение издать новый Устав» [8, с. 420], – говорилось в Указе, предшествующем новому правовому акту 1832 г. Он получил название «Устав о торговой несостоятельности». Фактически данный документ заменил собою часть первую Устава о банкротях 1800 года.

Устав 1832 года применялся только к случаям несостоятельности лиц, осуществлявших торговлю. Под банкротством (неосторожным и злонамеренным), как и ранее, понимались лишь умышленные действия должника. Как отмечает А. Х. Гольмстен, Устав «воздерживается от подробного перечисления условий каждого из этих видов. Нет указания на какие-либо обязанности, имеющие прямое или косвенное отношение к банкротству и неисполнение которых влечет признание должника банкротом того или иного вида...» [3, с. 262-263]. Тем не менее, изучая Устав, возможно все же сделать вывод об отнесении тех или иных действий к злонамеренному банкротству и понимающихся в настоящее время под неправомерными действиями при банкротстве.

Так, устанавливается уголовная ответственность за сокрытие имущества, что вытекает из положений ст. 31 и п. 1 ст. 126. Стоит отметить, что термин «сокрытие имущества» в Уставах трактовался довольно широко. Так, И. Я. Фойницкий выделяет сокрытие имущества в актив, что проявляется в «1) в утаивании от кредиторов имущественных ценностей, принадлежащих несостоятельному, путем физического их устранения (увоза, уноса, спрятавания, но не уничтожения); или 2) в фиктивном отчуждении их, вполне или частью, путем вымышленного перевода их на имя третьих лиц, обыкновенно близких родственников виновного; этот способ деятельности, в отличие от физического сокрытия имущества, представляется сокрытием юридическим; он может выразиться или во вступлении в фиктивный по имуществу договор, или в ложном показании о принадлежности данного имущества третьим лицам», а также сокрытие в пассив, выражающееся в сокращении объема удовлетворения требований кредиторов посредством выдачи подложных долговых обязательств, увеличении существующих обязательств, предоставлении отдельным кредиторам преимущественных прав по отношению к имуществу должника (т.е. неправомерное удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб другим) [14, с. 401-402]. Аналогичную точку зрения высказывал и Л. С. Белогриц-Котляревский [1, с. 453]. В дополнение к этому Устав отдельно выделяет внесение недостоверных сведений о кредиторских или дебиторских задолженностях в смету (ст. 31 и ч. 3 ст. 126 Устава) [8, с. 434-435].

В качестве последствий таких действий Устав предлагал предание уголовному суду как за подлог, а при совершении таких действий после принесения присяги – и за нарушение присяги.

Устав о торговой несостоятельности действовал до Октябрьской революции 1917 г., да и потом некоторое время применялся судами в отсутствие норм, регламентирующих правила несостоятельности. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. лишь установило размеры наказания и восполнило существующие пробелы в уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Так, была введена ответственность за передачу и сокрытие имущества во вред кредиторам (ст. 1585 Уложения

в ред. 1845 г.), утаивание от кредиторов закладных писем (ст. 1587) и действия, препятствующие осуществлению процедуры банкротства (ст. 1588) [9, с. 886-888]. Диспозиция же статьи 1582 Уложения «кто из лиц торгового сословия, предписанным для сего в Уставах Торговых порядком, будет изобличен в злонамеренном банкротстве, тот за сие подвергается...» [Там же] ссылалась на признаки, установленные в Уставе о торговой несостоятельности 1832 г. Тем не менее Уложение установило ответственность для лиц неторгового сословия, а также руководителей акционерных обществ и товариществ.

Новым словом в законодательной регламентации института уголовной ответственности за криминальные банкротства стало Уголовное уложение 1903 г. В отличие от Уложения 1845 г., данный нормативный акт выгодно отличался четким и полным описанием признаков объективной стороны всех преступлений, связанных с банкротством, без ссылок на Торговые уставы. Уголовная ответственность дифференцировалась по субъекту: частные лица подлежали заключению в исправительных домах на срок до трех лет, а лица торгового сословия – до восьми лет [11, с. 894-909]. Закон предусматривал наказание как за преступное уменьшение активов, так и за увеличение пассивов должника. Уложение уходит от казуистичного описания неправомерных действий терминами «сокрытие» и «утаивание», существовавшего в Уставах о банкротах и Уставе о торговой несостоятельности, расширяя признаки объективной стороны понятиями «ложные показания об имуществе», «умолчание», «выдача уменьшающих конкурсную массу обязательств», «передача», «переукрепление» и другими.

Стоит отметить, что банкротное законодательство дореволюционной России, в отличие от современного законодательства, предусматривало дифференциацию ответственности должников и конкурсных управляющих, носивших название «кураторы». Уставы о банкротах устанавливали для последних дисциплинарную ответственность за волокиту. Нормы же Уложений 1845 и 1903 гг. регламентировали ответственность кураторов достаточно широко.

Так, глава III Уложения 1845 г. (в ред. 1885 года) устанавливала ответственность должностных лиц (в том числе и кураторов) за противозаконные поступки при хранении и управлении вверенного им по службе имущества: небрежение, порчу, повреждение, уничтожение, пользование, присвоение, недочет, нарушения правил ведения описи. В отдельной главе устанавливалась ответственность и за злоупотребления при публичной продаже имущества [12, с. 342-345]. При этом наказания за преступления кураторов в основном заключались в отрешении от должности и носили некарательный характер. Лишь в части статей устанавливалось наказание в виде денежного взыскания.

Уголовным уложением 1903 г. для лиц, осуществляющих конкурсное управление, определялось наказание за злоупотребление полномочиями во вред вверенному имуществу (ст. 577) [11, с. 838] и нарушение правил проведения публичных торгов (ст. 681) [Там же, с. 1090]. При этом законодатель ужесточил наказание: злоупотребление полномочиями каралось тюремным заключением, а нарушение правил публичных торгов – заключением в исправительном доме.

После революции 1917 г. суды перестали рассматривать ранее возникшие дела о несостоятельности, а с введением в действие Уголовного кодекса 1922 года ответственность за криминальные банкротства была окончательно упразднена [6].

Анализ развития законодательства об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве позволяет сделать следующие выводы.

1. Впервые уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве появилась в Российской империи и была закреплена в проектах Уставов о банкротах 1740, 1753 и 1763 гг., а также в Уставе о банкротах 1800 г.

2. Казуистичность описания внешнего проявления неправомерных действий при банкротстве («утайка», «сокрытие»), свойственная ранним законодательным актам – Уставам о банкротах, Уставе о торговой несостоятельности, – со временем сменяется тенденцией к описанию отдельных признаков объективной стороны («сокрытие», «ложные показания об имуществе», «умолчание», «выдача уменьшающих конкурсную массу обязательств», «передача», «переукрепление» и другие) в более поздних нормативных актах – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовном уложении 1903 г.

3. Постепенно происходит расширение круга субъектов ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Если в проектах Уставов о банкротах 1740, 1753, 1763 гг. субъектом уголовной ответственности являлись только представители торгового сословия, то Устав о банкротах 1800 г. дополнительно устанавливал ответственность дворян и чиновников, а Уложения 1845 и 1903 гг. – и иных лиц, дифференцируя в зависимости от субъекта вид и размер наказания.

4. В период развития законодательства о банкротстве Российской империи происходил переход от дисциплинарной ответственности кураторов конкурсного процесса (в настоящее время – арбитражных управляющих) к уголовной с постепенным ужесточением наказания. При этом уголовная ответственность должников и кураторов дифференцировалась. Преступления должников поздние нормативные акты относили к нарушениям постановлений о кредите (Уложение 1845 г.) и случаям наказуемой недобросовестности по имуществу (Уложение 1903 г.). Преступные же деяния, совершаемые конкурсными управляющими во время несостоятельности предприятия, рассматривались как преступления по службе и заключались в злоупотреблениях при обращении с вверенным имуществом и нарушениях правил публичных торгов.

Таким образом, развитие уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской империи характеризуют тенденции к детализации объективной стороны преступления, переходу от дисциплинарной ответственности за неправомерные деяния, совершаемые кураторами конкурсного процесса (аналогом современных арбитражных управляющих), к уголовной, постепенному расширению круга субъектов неправомерных действий при банкротстве.

Список литературы

1. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Учебник русского уголовного права: общая и особенная части. Киев, 1903. 618 с.
2. **Беркович Н. В.** Банкротство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.
3. **Гольмстен А. Х.** Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1907. 292 с.
4. **Зацепин А. М.** Эволюция законодательства об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве // *Правоохранительные органы: теория и практика.* Екатеринбург, 2008. № 2 (2).
5. **Кузнецов А. В.** Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195-197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 25 с.
6. **О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР** [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Собрание первое. Т. 26. 1800-1801 гг. 880 с.
8. **ПСЗРИ.** СПб., 1833. Собрание второе. Т. 7. 1832 г. 1414 с.
9. **ПСЗРИ.** СПб., 1846. Собрание второе. Т. 20. Отделение первое. 1845 г. 1045 с.
10. **Российское законодательство XI-XX вв. Законодательство Древней Руси** / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. 430 с.
11. **Таганцев Н. С.** Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904. 1122 с.
12. **Таганцев Н. С.** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. 714 с.
13. **Телюкина М. В.** Основы конкурсного права: монография. М., 2004. 560 с.
14. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного права: часть особенная: посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. 436 с.

**HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL ACTS
IN BANKRUPTCY IN LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE****Artem Andreevich Vakutin***Department of Criminal Law**Omsk Academy of Ministry of Home Affairs of Russia**artv@bk.ru*

The author conducts the research of the history of the origin and development of criminal liability for illegal acts in bankruptcy in the legislation of the Russian Empire, and pays particular attention to the research of the normative consolidation and revelation of the major tendencies in the development of criminal liability for such offenses in legislative acts, beginning with the draft Statute about Bankrupts of 1740 and ending with the Criminal Code of 1903.

Key words and phrases: bankruptcy; insolvency; illegal acts in bankruptcy; malicious bankruptcy; reckless bankruptcy.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние политики и идеологии на историографию. Эта проблема была изучена на примере истории создания чехословацкого войска в России в 1914-1918 годах и последующей интерпретации этого факта в отечественной и чехословацкой (чешской) историографии. Чехословацкая историография рассматривала добровольное чехословацкое войско в качестве революционной армии, главной целью которой является борьба за создание Чехословацкого государства. Советская историография видела в чехословацких легионерах лишь «бывших военнопленных», действиями которых руководили «буржуазные националисты». В настоящее время наблюдается сближение подходов отечественной и чешской историографии.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; военнопленные; Чешская дружина; Чехословацкий легион; русофильство; имперское мышление; идеология; Т. Г. Масарик; Й. Дюрих; А. Х. Клеванский; историография.

Альберт Наилевич Валиахметов, к.и.н.*Кафедра истории России и методики преподавания**Казанский (Приволжский) федеральный университет**albert80@mail.ru***К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА
В РОССИИ (1914-1918) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]**

«Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей» [16, с. 13] - это утверждение П. Томпсона особенно уместно в отношении историографии войн, революций и переломных эпох в развитии общества. В центре внимания настоящей статьи – изучение влияния политики и идеологии на историографию.